

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ СИБИРИ: КАЗАКИ «ЛИТОВСКОГО СПИСКА»

Рассматривается категория служилых людей Сибири «казаки литовского списка»; предлагается авторская трактовка происхождения этого понятия; определяются временные рамки существования явления; показывается первоначальное отличие «казаков литовского списка» от «литвы», «литвинов», конных казаков; выделяются основные сферы деятельности «казаков литовского списка»; подчеркивается их роль в освоении Сибири. Уделено внимание появлению иноземного контингента в составе служилых людей России.

Ключевые слова: служилые люди; казаки; иноземцы; литва; литовский список казаков.

В изучении истории Сибири существенное место занимают процессы заселения, складывания населения в целом, как и отдельных его категорий, среди которых – служилое сословие, появившееся на этой территории с ее присоединением к Российскому государству. Служилые люди как «лица, состоявшие на военно-административной службе» [1. С. 47] составили ядро населения, стали определять многие процессы в развитии региона.

Ко времени включения Сибири в состав русского государства в России на протяжении XVI в. формировалось сословие служилых людей, набиралось из детей боярских, с одновременным «прибором» на службу «добрых и конных казаков» [2. С. 93, 108, 111–113]. О последних Н.М. Карамзин писал как о людях «неутомимых в ратном деле», «природных конниках и наездниках» и связывал их появление с территорией Дона [3. С. 632]. Казачество получило значительное распространение в Южной Руси, в 1363 г. присоединенной литовским князем Ольгердом вместе с Киевом к Великому княжеству Литовскому, где под давлением польско-литовской шляхты, под влиянием угрозы насильственного «окатоличивания» и вытеснения русской речи стимулировалось превращение его в массовое явление, распространившееся и на приграничные районы Северо-Восточной Руси. По мнению В.А. Волкова, привлечение казачества на русскую государеву службу было обусловлено стремлением «унять казачьи разбои и использовать их военный опыт для борьбы с татарской угрозой» [4]. Первое упоминание о «приборе» на московскую службу донских казаков В.А. Волков относит к 40-м гг. XVI в. [Там же]. Казачество стало составной частью русских вооруженных сил, и уже в московском войске времен Ливонской войны, включавшем конницу (75 тыс. дворян, детей боярских и их людей), была и пехота из 20 тыс. стрельцов и казаков [2. С. 118]. В последующем казачество было подчинено двум приказам – Стрелецкому и Казачьему. По «Сметному списку 139 г.» (1621 г.) в ведении Стрелецкого приказа числилось 19 540 казаков и стрельцов, в Казачьем приказе – 1 694 казака. Дворян и детей боярских состояло на службе 5 364 человека [5].

Наряду с детьми боярскими, казаками, стрельцами в разрядных записях среди служилых людей фигурировали «иноземцы» («литва», «немец», «черкасы» и т.д.) [6. С. 244, 312], подчиненные Иноземному приказу. На 1621 г. насчитывалось 1 608 иноземцев «старого и нового выезда». «Старого выезда иноземцы»

подразделялись на «кормовых», что «живут в разных городах» (312 человек), и «поместных» (414 человек). «Нового выезда иноземцы» определялись как «отпущенные из Москвы в города на житье» [5].

Появление иноземцев («литвы») на русской службе следует связывать со второй половиной XV в., когда, с одной стороны, в литовских землях стало возрастать влияние католичества, подталкивавшее к переходу знати на службу к московскому князю [7. С. 145, 180], с другой, начавшиеся с 1470 г. пограничные конфликты Московского и Литовского княжеств [8. С. 22, 35], сопровождавшиеся присоединением к растущей Великороссии земель Великого княжества Литовского (городов Вязьма, Брянск, Путивль, Торопец, Дорогобуж, Чернигов, Стародуб, Гомель, Новгород Северский). К 1503 г. граница с Литвой устанавливалась в 50 км от Киева [7. С. 215]. «Земские люди черные, – пишет Ю.Г. Алексеев, – приводились к целованию на великого князя, князья и паны признавали себя вассалами русского государства» [Там же. С. 180]. Столкновения с Ливонией, русско-шведская война 1495–1497 гг. [Там же. С. 185–187], а затем и Ливонская война XVI в., военные столкновения с Польшей привели к увеличению числа так называемых «немцев».

Литовские и немецкие люди в составе русских вооруженных сил в количестве 2 000 человек появились в эпоху Василия III, стали включаться в состав русского аппарата управления. Исследователь М.М. Бенедианов считает, что выходцы с территории Литовского государства под названием «литва дворовая» вошли в состав «государева двора» в 1530–1540-х гг., что отразила и составленная в 1550-е гг. «Дворовая тетрадь» [9].

Рост числа иноземцев на русской службе обусловил возникновение в Замоскворечье между Полянкой и Якиманкой особой слободы, получившей название «Иноземная» [10. С. 287]. В условиях Ливонской войны количество пленных возрастало, часть из них была поселена в Москве близ устья Яузы, на правом берегу, однако новая «Немецкая слобода» в 1578 г. подверглась опричному погрому, ее обитатели «разбежались» [11].

Особенно возросло число представителей иноземного элемента на русской земле в период Смутного времени и в процессе ликвидации его последствий. «После взятия Кремля, – писал Н.В. Берх, – полковников и ротмистров польского народу и все воинство за приставы раздаша, а иных воин в окрестные города разослали, смерти их по обещанию не предано» [12. С. 62].

Т. Бохун утверждает, что Дмитрий Пожарский после взятия Москвы стал отправлять «пленников в провинцию», в том числе на север России, где они часто соединялись с казаками (Белоозеро, Каргополь, Вологда, Устюг Великий, Соль Вычегодская) [13]. Таким образом, формирование служилого сословия изначально оказалось тесно связано с иноземным контингентом, который мог находиться как в ведении Иноземного приказа, так и неучтенно в разных частях государства, в том числе находить себе пристанище и в казачьей среде.

В начале правления Романовых, согласно «Разрядным книгам», постоянно ставились задачи «выискывать», «промышлять литовских людей», которые первоначально действовали как остатки отрядов Смутного времени, затем появлялись в рамках новых походов королевича Владислава [6. С. 219, 238, 242], для этого направлялись «на литовских людей» отряды русских воевод, с участием и самой «литвы с литовскими ротмистрами» и «немецких поместных» [Там же. С. 242]. В это же время прослеживается число ссылаемых в Сибирь иноземцев. По данным В.А. Александрова, в 1619 г. в Сибирь было выслано 75 человек «литовских людей», в 1620 г. – 50 [14. С. 100]. Обратим внимание на то, что, несмотря на основную активность в период Смутного времени прежде всего Польши и выходцев с «коронных» земель, понятие «литовские люди» имело в широкое распространение. Отношение к выходцам из польско-литовского государства время от времени менялось: в 1618 г. власть требовала «литовских людей вешать по тем дорогам, откуда кто пришел» [6. С. 250], а в 1621 г. «Разрядные книги» сообщали, что «по результатам переговоров с Польшей и Литвой всех польских и литовских “полоняников” попустили» [Там же. С. 616].

Казачество, как и иноземный контингент, изначально стало играть важную роль в составе служилых людей в Сибири, которые до начала XVIII в. подразделялись на дворян, детей боярских, стрельцов, казаков пеших и конных, объединенных «постоянной и бессрочной службой», «доколе в силах», «за определенное денежное и хлебное жалованье» [15. С. 4]. Иноземцы в Сибири фигурировали в документах под названиями «поляки», «немец», «немчины», «литва», «литва тобольских уроженцев», «черкасы», «ссылочные черкасы», «литовские выходцы», «литовских выходцев пахолки», казаки «литовского списка». Во второй половине XVII в. разнородный иноземный элемент, в котором наиболее часто упоминалась «литва», объединялся под общим понятием «литовского списка казаки». В вопросе происхождения иноземного элемента в составе служилых людей Сибири среди исследователей прослеживается практически полное единодушие, сводящееся к тому, что они «как правило, были, военнопленными» [16. С. 4, 5], в Сибирь попадали не добровольно.

Нельзя не заметить, что источники начала XVII в. очень конкретны в проведении различий в иноземном контингенте, различая «поляков», «немчин», «черкас», «литву», «литвин» и казаков «литовского списка». Первые упоминания об иноземцах в Сибири отразили источники 1593 и 1598 гг. В «Наказе князю Андрею Елецкому с товарищи, отправленному в Си-

бирь для постройки города Тара» 1593 г. указаны «50 казаков польских», литва и черкасы Тобольска и Тюмени [17]. В «Отписке царю Тарского воеводы Андрея Воейкова о поражении Сибирского царя Кучума на берегу Оби, о взятии в плен жен и детей» от 4 сентября 1598 г. среди служилых людей указана «литва» Тары, Тобольска, Тюмени [18. С. 1]. В составе посольства для сопровождения Кучума и его семейства в Москву есть «литва и немец» Тары (Христофор Зеленовский, Иван Павлов, Кузьма Родионов, Яков Шелковский, Иван Еремеев, Лукаш Индриков), «литва» Тобольска (Иван Залеской, Остап Петров), тюменский «литвин» Никита Барзобогатый [Там же. С. 6]. Называется и сопровождающий «литвина» Якуба Григорьева, служившего Кучуму 10 лет, «тобольский литвин Павел Аршинский» [Там же]. Таким образом, «литва», «литвины», «немец» есть в Сибири уже в конце XVI в., а некий «литвин» Якуб Григорьев перешел на службу к Кучуму за 10 лет до 1598 г., т.е. в 1588 г.

Согласно «Сметному списку 139 г.» (1621 г.) «литва» и «черкасы» были уже в Пельме, Таре, Березове, Мангазее, Сургуте, Кузнецке, Тобольске, Томске, Тюмени [5]. Исследователь XIX в. К.Б. Газенвинкель, анализируя разрядные книги XVII в., приводя данные по категориям служилых людей г. Тобольска, указывал на «немец», «конную литву» и «черкас», новокрещенных конных [19. С. 62, 63], численность которых на 1625, 1636 гг. по Тобольскому разряду определял в 146–168 человек [18. С. 66, 67], отмечал, что в Березове, Пельме, в Сургуте, в Мангазее «литва» служила в пехоте [Там же. С. 75, 76]. Иноземцев на службе было достаточно много и в понизовых городах (Урало-Волжский регион), но только в Сибири возникло особое явление – казаки «литовского списка». Определимся первоначально с понятиями «литва», «литвин» и с тем, можно ли их считать синонимами. Исследователи, касавшиеся проблем казачества Сибири, понятие «литва» определяли по-разному. Н.И. Никитин считал, что «литва» была представлена главным образом белорусами [20. С. 79]. Н.Н. Оглобин также придерживался мнения, что «литва» – это белорусы, при этом оговаривался, что в XVII в. «под “литвой” разумели не одних только белорусов, но и литовцев в собственном смысле, а также “поляков, черкас, латышей, и других подданных Польского государства, поверстанных в службу, образовавших в городах особую группу служилых людей под общим названием “литвы” или “литовского списка казаков”» [Там же. С. 1], А.С. Зуев к «литве» относил поляков, литовцев, белорусов [1. С. 48]. По мнению С.Г. Филя, понятия «литва» и «литвин» выступают синонимами, а «литвин» – это «любой житель огромных пространств Великого княжества Литовского» [15. С. 16].

Как же исследователи определяли, что же такое «литовский список» казаков, который постепенно стал объединять весь иноземный контингент Сибири? Н.И. Никитин связывал с «литовским списком казаков» всех, кто оседал в Сибири [20. С. 79]. Согласно подходам А.С. Зуева «наличие значительного числа иноземцев позволило к концу первой четверти XVII в. создать в гарнизоне “литовские” и “черкасские” спис-

ки» [1. С. 48]. Н.Н. Оглобин также полагал, что поданные Польского государства, поверстанные в службу, объединялись в городах в особую группу служилых людей под общим названием «литвы» или «литовского списка казаков» [20. С. 1]. Таким образом, в понимании Н.И. Никитина, казаки «литовского списка» – это «литва», осевшая на жительство в Сибири, у А.С. Зуева – подразделение в составе гарнизона, у Н.Н. Оглобина – понятия «литва» и «казаки литовского списка» отождествляются [21. С. 2]. Авторы работы «История казачества Азиатской России» «литовский список» казаков практически отождествляли с «литвой», связывая его комплектование с выходцами (добровольными или военнопленными) из Речи Посполитой («не обязательно поляками или литовцами в этническом смысле») [22. С. 142]. С.Г. Филь [23] соотносит это явление с представителями «малоимущей польской шляхты с земель Великого княжества Литовского, защищавшими рубежи объединенного польского государства». В российском войске, по мнению С.Г. Филь, «они оказывались, попадая в плен или нанимаясь на службу» [16. С. 16].

Однако нельзя не заметить отличия, имеющиеся в ранних источниках по Сибири, «литвы», «литвинов» и казаков «литовского списка», что прослеживается уже по Дозорной книге 1624 г. г. Тобольска, которая свидетельствует о том, что служили «иноземцы» «с детьми боярскими», «в роте у ротмистра», «в казаках», «в стрельцах и пеших казаках» [24. С. 27]. Обращаясь к фамилиям тех, кто назван «литвинами» в Дозорной книге 1624 г. (Григорий Черново, Дружинка Кулагин, Онтон Дубровинский, Лавр Тимофеев, Ондрюшка Попков, Ивашка Чернатцкой, Михаил Хоткин, Дмитрий Ядровский, Томилка Шевеля, Ивашка Любимской, Лавринка Ондреев, Ян Врублевский, Петрушка Матусов, Матюшка Коломылец, Томоска Григоровский, Дениска и Денис Рачковские, Иван, Семейка, Пронька Черкашенины, Филимон Лящина, Ярофейка Васильев, Гришка Яковлев), видим, что они носят как соответствующие Южной и Юго-Западной Руси фамилии, так и фамилии русского звучания. Написание имен свидетельствует о наличии в составе «литвин» лиц знатного и не знатного происхождения. «Иноземцы» в Тобольске по Дозорной книге 1624 г.: Самсон Наватский, Ярофей Заблоцкий, Ян Ржитцкий, Петр Сабанский, Матвей Филька, при отсутствии суффикса -ка в написании имен собственных могут рассматриваться как имеющие родовитость, то же касается и «немчин»: Савы Француженина, Анцы Яковлева, Анцы Алфова [Там же. С. 6–10]. В Дозорной книге 1624 г. названы и служившие в категории «дети боярские», среди которых, несомненно, были те, кто мог быть отнесен к «литве» или «иноземцам»: Максим Егонский, Офонасий и Дмитрий Черкасовы, Богдан Аршинский, Павел Хмелевский. Упоминание в указанном источнике вдовы сына боярского Марии Вишневской свидетельствует о том, что в составе детей боярских был и Вишневский, имя которого не известно.

Казаки «литовского списка» на 1624 г. в Тобольске есть, но они немногочисленны, их в городе всего четыре человека: Ивашка Астраханец, Степанка Скор-

няк, Алешка Мурзин, Офонька Федоров [Там же]. Их этническую принадлежность по приставкам к имени, более напоминающим прозвища, определить трудно, но несомненно, что имеем дело с восприятием их как простолюдинов, о чем свидетельствует и суффикс -ка в имени. Жили казаки «литовского списка» в начале 1620-х гг. и под Тобольском, так, в частности, согласно Дозорной книге 1623 г. в деревне на «речке Мостовой», землю имели «литовского списка казаки» «Меркушка и Данилка» Крушинские, их владения составляли «пашни паханые луговые и дубровные середние земли в трех месте двенадцать чети», «перелогу лесом поросель десять чети в поле», «лесного места дубровы пят десяти», сенокосов за речкою Мостовою в лугу триста копен» [25. Л. 85]. В отличие от казаков «литовского списка», живущих в Тобольске, братья Крушинские за службу получили землю, которая стала определяться в последующем как владельческая деревня братьев Крушинских. Соотносится фамилия «Крушинские» с польской гербовой шляхтой [26]. Расположение деревни братьев Крушинских в цепочке владельческих деревень от Кучумовой Сибири до Ермаковой перекопи [27. С. 187], несомненно, свидетельствует о том, что появление Крушинских следует связывать с самыми первыми служилыми людьми Сибири, потому что именно относительно владельческих деревень, расположенных на этом участке, сохранилась легенда о разделе земель лично Ермаком [28. С. 289], и исключить участие «литвы» в составе ермаковой дружины нельзя. Среди хозяев 74 владельческих деревень, имеющихся под Тобольском в самом начале XVII в. и зафиксированных Дозорной книгой 1623 г., 28 деревень служилых людей польско-литовского или иноземного происхождения [Там же].

Источники разделяли конных казаков и казаков «литовского списка». И если сравнить с земельными наделами, полученными совсем рядом конными казаками, владения казаков «литовского списка» Крушинских значительно крупнее [25. Л. 84 об.], что свидетельствует о том, что в иерархии служилых людей они занимали более высокое положение, чем конные казаки. Соглашаясь с исследователями, которые появление «литвы» на пространствах Сибири связывали уже с походом Ермака [16. С. 4], обратим внимание на то, что в г. Тобольске казаки «литовского списка» есть уже в начале 1620-х гг., а по «Книгам разрядным» понятие «литовский список» казаков датируется впервые 1628 г. Это касается Пельма, Тары, Томска, где обозначены 104 человека «литовского списку казаков», при этом в Таре – 73 человека, в Томске – 27 человек, в Пельме – 4 [29. С. 62]. В Тобольске до 1629 г. по «Книгам разрядным» казаки «литовского списка» не называются, при этом в категории «дети боярские» есть поляки (10 человек), «немец» (3 человека), названы 84 человека конной «литвы» и конных черкас, 2 – «немец»; в пеших казаках: 1 – литвин, 5 – «черкас» и 2 – «немец», 2 человека «литовских выходцев» – в стрельцах [24. С. 62]. На следующий год казаки «литовского списка» обозначены в Тобольске и Тюмени, в каждом городе – по 22 человека [29. С. 116]. При этом «Разрядная книга» выделяет «литву

и черкас конных», их в Тобольске 63 человека, «литву тобольских уроженцев» – 28 человек, 3 – «немец», и отдельно называет 22 – «литовского списка казаков». Среди конных казаков числится один «литвин» [29. С. 199]. В Тюмени на 1631 г. – 22 казака «литовского списка», кроме них – 55 конных казаков, в числе которых 2 человека (из 5 – в Тюмени) «литвы тюменских уроженцев», да 1 «немчин». Список по г. Тобольску 1633 г. зафиксировал, что всего «литвы», «черкас», «немец», «литовского списка казаков» 128 человек, при этом последних уже 30 человек» [24. С. 26]. Таким образом, источники различали конных казаков, «немец», «литву», «черкас» и «литовского списка» казаков.

Появление сообщений в государевых разрядах о казаках «литовского списка» связано только с Сибирью и происходит на фоне постановки задач по выявлению «нетчиков», проведению смотров, составлению списков, правда, тех, кого нужно было собрать к Туле. При этом давались поручения по составлению списков: провести смотры, записывать тех, «кто в службу поспели», и «велети быти им на государевой службе», «выявить нетчиков». «Нетчики» – по всему те, кто отлынивал от службы. Указывалось, что в списке должно быть отражено: «кто каков конен и оружен», «сколько за кем поместья и вотчин», «что за кем в полку людей будет», «записать в список» и «руку приложить» [29. С. 78]. Таким образом, появление в «Разрядных книгах» «литовского списка казаков» в Сибири первоначально относилось к трем городам – Пелыму, Таре, Томску – и по времени совпадало с работой по выявлению «нетчиков» и «на службу поспевших».

На наш взгляд, «литва» – это более раннее по времени явление, и связано его появление с «верстанием» выходцев с территории Польско-Литовского государства на русскую службу. Казаки «литовского списка» по времени возникновения несколько более позднее явление, но со второй половины XVII в. охватывающее практически весь иноземный элемент в составе военно-служилых людей Сибири, а с учетом высоких окладов «литовский список» превратился в престижное место службы, замещаемое пленными шляхтичами, а также теми, кто обладал особыми знаниями в области военного дела и кто происходил из служилых династий Сибири, относящихся к самому раннему появлению на этой территории. Источники, различая «литву», «немец», «черкасов», проводя различия между ними, исходили из русского понимания мест их выхода, при этом «литва» и казаки «литовского списка» – явления различные, как и конная «литва» – не казаки «литовского списка». Отдельно обозначена и «литва», родившаяся в Тобольске. Определять, как считает С.Г. Филь, «литву» только как «шляхтичей» [16. С. 15], учитывая данные Дозорной книги 1624 г., трудно.

Таким образом, «литва» – выходцы с территории Польско-Литовского государства, но при этом разного социального уровня, с учетом фамилий – и разной этнической принадлежности. Почему же требовалось от «литвы» отделять «литовского списка» казаков, которые были «литвой», но какого-то особого списка?

Источники XVI в., как и XVII в., нигде не содержат разъяснений относительно «литвы», «литвинов», «немец», как и казаков «литовского списка», как бы исходя из очевидной понятности явлений. Поиск ответов на эти вопросы следует, как нам представляется, искать в истории Польско-Литовского государства. Исследователь истории Великого княжества Литовского В.В. Новосельский указывает, что в состав населения Литвы вошли восточные славяне центральных и западных княжеств Руси (белорусы), литовские племена (аукштайты, жемайты), а также прусские ятвяги, но в отличие от литовцев «кривичские славяне, дреговичи, часть радимичей» назывались «литвинами» [20. С. 5, 6]. Таким образом, «литвины» по отношению к «литве» – явление более узкое, и именно их и стоит отождествлять с белорусами последующего времени, тогда как «литва» понятие более широкое. Так же ситуация обстоит и с понятием «черкасы», относительно которого исследователи сходятся в том, что это малороссы, или украинцы. Однако «черкасы», как еще считал Н.М. Карамзин, – «козаки» с Дона, а «город “Черкасск” или Козачий», «ибо то и другое знаменовало одно» [3. С. 632].

Относительно казаков «литовского списка» ответ также кроется в истории Польско-Литовского государства, где можно найти возникновение в 1570-е гг. реестрового казачества. Слово «реестр» буквально и есть «список». Польский автор М. Бобржинский писал, что польское правительство решило «создать на самой Руси элемент, способный и сильный к деятельной обороне», тем более что такой элемент «создавался там понемногу уже издавна, с начала XVI столетия» в «виде козаков», которых он определял как «смелые банды авантюристов, искавших себе прокормления... в разбойничьих походах...» [31. С. 122]. В казачество «стремилось и бежало из Польши и Руси угнетенное шляхтою крестьянство... беспокойные души из среды шляхетской молодежи, и люди... от возмездия правосудия». Решено было «организовать и эксплуатировать этот элемент для государства» [Там же]. С. Баторий стал «употреблять в своих войнах козаков» [Там же. С. 124]. В регулярном польском войске на втором месте после польского рыцарства (польских панов, гусар), стояла «храбрая конница казаков», затем шла артиллерия, пехота из немцев и венгров [Там же]. В то же время в Великом княжестве Литовском ведущую роль в вооруженных силах играла шляхта. Казаки времен Речи Посполитой находились в пределах Южной Руси, делились на реестровых и «вольных». Относительно последних было принято решение «преследовать и обращать в крестьянство» [Там же. С. 190]. Казаков считали живущими за пределами Речи Посполитой [Там же], а жителей Южной Руси, которая от Великого княжества Литовского была передана Польше, называли «русинами» [Там же. С. 198], поэтому они для русского государства вполне выступать, как по-прежнему часть «литвы», учитывая, что эта территория с 1363 г. входила в состав Великого княжества Литовского, хотя во второй половине XVI в. Киевский повет был передан Польше. И нам представляется, что казаки «литовского списка» – это вынужденно или добровольно

перешедшие на русскую службу, возможно, плененные или, возможно, выявленные в числе тех, кто находился на территории русского государства, – реестровые казаки с территории Польского – Литовского государства, в военном отношении более опытные, что в тех условиях требовалось прежде всего в Сибири.

Первоначально, согласно источникам, представителей «литовского списка» казаков в Сибири просто единицы, что вполне согласуется с тем, что возникшее при Сигизмунде Августе II в 1572 г. реестровое казачество исчислялось первоначально всего числом в 300 казаков [32. С. 577]. Набирали в «реестр» зажиточных крестьян королевских имений и мелких украинских шляхтичей, наделяли правами, обязанностями, среди которых – отражение набегов татар, участие в войнах, полицейских акциях, подавлении выступлений крестьян и вольных казаков. Таким образом, они должны были обладать хорошими военными навыками, поэтому и могли приобретать особую значимость и в силу этого выделяться в особую категорию. Пришедший к власти Стефан Баторий первоначально распустил реестровое войско, что также могло привести часть из них на русскую службу. Однако уже в 1578 г. последовало возрождение реестрового казачества, увеличение численности казаков до 600 человек. И все последующие годы тенденция роста реестрового казачества сохранялась: в 1583 г. – до 800 человек, в 1590 г. – 1 000, в 1625 г. – 6 000 казаков [33]. Руководящие должности в рядах реестрового казачества стали принадлежать польской шляхте, что вполне соответствует тому факту, который прослеживается по Дозорной книге 1624 г. по г. Тобольску, в которой казаки «литовского списка» с польской фамилией Крушинские наделяны землей в силу того, что их статус и служба представляли большую значимость, а в г. Тобольске живущие казаки «литовского списка» с фамилиями русскими, украинскими землей не наделялись и по всему просто получали оклады. Центры реестрового казачества были в Киевском воеводстве. Реестровых казаков приравнивали к безгербовой шляхте, что вполне согласуется с фактами массового причисления шляхты к казакам «литовского списка». В 1667 г. реестровое казачество в Польше было отменено [Там же], в то же самое время – во второй половине XVII в. – в Сибири понятие «литовского списка казаки» стало очень широким и объединяло всех, кто корнями был связан с происхождением не русским.

Обращает на себя внимание тот факт, что «литовский список» казаков вбирал людей в военном отношении наиболее опытных. Так, в 1661 г. при поступлении большой партии иноземцев (поляков, «литвы», «немец») тобольский воевода И.А. Хилков по правительственному распоряжению разделял их в разные служебные разряды, при этом в тобольские казаки «литовского списка» первым отбирается специалист «гранатного дела» Якушка Иванов [34]. В это время казаки «литовского списка» именуются, кроме Тобольска и Тюмени, в Таре, Томске, Кузнецком, Енисейском, Красноярском, Якутском, Илимском острогах. По распределению воеводы И.А. Хилкова в Тобольске в «литовский список» попали 4 человека, в Тару направились 5, в Томск и Кузнецк – по 15, в Красно-

ярск – 3, Илимск – 5, Якутск – 8, а вот в Енисейск – 27 человек, что в общей сложности составило 82 человека [Там же]. Как считает Н.И. Никитин, тобольский воевода И.А. Хилков попытался в начале 1660-х гг. создать за Уралом войско иноземного строя [20. С. 79, 80], видимо, в связи с этим в Тобольске, Таре, Тюмени появляются рейтарские подразделения общей численностью 358 человек, в Тобольске создается полк в 495 драгун (драгунские полки в России появляются с 1631 г. и означают пехотинцев, посаженных на лошадей). Согласно «Сметному списку» 1678 г. в Тобольске 1 879 человек служивых людей, в том числе: стрельцов – 464, пеших казаков – 631, литвы, конных казаков и новокрещенных – 254. Отдельно выделены дети боярские и недоросли [24. С. 32].

Шляхта направлялась преимущественно в «литовский список», однако при этом следовала строгая, только тому времени понятная дифференциация шляхтичей: «витебский шляхтич» Ян Янушковский распределяется в категорию «детей боярских». В Тобольске в «литовском списке» оказывались в основном семейные, в источниках указано наличие жены, детей, дворовых людей, а холостые следовали в более отдаленные территории. В «литовский список» г. Тобольска определен и иноземец Федорлинг. Часть шляхты попадала в конные казаки, часть – в рейтары, «немцы шведской земли» определяются в пешие казаки Тобольска. Драгуны и «челядники» распределялись в пешие казаки, ротмистры – в «дети боярские». Шляхтичи Хриштоп Дайнаров, Михайло Добочинский, Павел Юшковский, Микулай Малиновский вместе с «челядниками» Степаном Новицким, Андреем Шебовским, Яном Рачицким, Иваном Есинским, Казимером Моржой направляются в далекую Мангазею, где «литовского списка» казаков не было [34].

Подробные списки служивых людей столичного города Тобольска, в том числе и казаков, как и казаков «литовского списка», находим в «Книге 1696 года», которая содержит их государевы оклады. В ней указаны конкретные имена и фамилии разных категорий казачества Тобольска. Нельзя не обратить внимание на то, что список казаков открывается «литовским списком казаков», что отражает их особое место и роль в составе казачества. Перечисление окладов казачества начинается с казаков «литовского списка», оклады которых являются более высокими. Численность рядового состава казаков «литовского списка» составляет 144 человека, 2 человека представляют командный состав – поручик и прапорщик [24. С. 48, 49]. Список казаков «литовского списка» пополнялся и теми, кто относился к служивым людям, восходящим к первопоселенцам этой территории: Лосевы, Волковы, Волоховы, Измайловы, Сергеевы, Выходцевы.

В Тюмени в конце XVII в. имеется рота «литовского списка» казаков, которую возглавлял Петр Олтуфьев, в его роте – Пельмские (3 чел.), Черкашенины (3 чел.), Кондрашка Дубровка, Федка Галячинин, Андриюшка Чирок, Алешка Семилада, Федька Вязмин, Петрушка Драгун и др. [35. С. 123]. Данные о казаках «литовского списка» г. Тюмени за 1700 г. включают тех, кто преимущественно носил фамилии русского звучания: Киншиных, Щетининых, Вязминых, Тол-

мачевых, Черкашениных, а также есть Дундошкин, Ожегин, Заворухин, Перевалов, Нелаев, Котельников и т.д. [35. С. 58, 59]. Г.Е. Катанаев считал, что «настоящие фамилии и имена (иноземцев) переименовывались на русский манер», «...и Ян Березуцкий становился Яковом Березовским, Иозиф Кобылянский – Осипом Кобылиным, Иван Найда – Ванькой Найдиным, Грицко Таран – Гришкой Тарановым...», «...у них появлялись фамилии Поляновы, Панковы, Литвиновы, малороссы часто превращались в Черкасовых, Хохловых, Подольских...» [15. С. 3].

Если обратить внимание на те оговорки, которые делаются по ходу списка «Книги 1696 г.», можно сделать вывод, что численность казаков «литовского списка» г. Тобольска была устоявшейся, и только в связи с выбытием казака его место замещалось. Причины выбытия, отмеченные в списке: смерть («умре»), «убит в Даурском походе», нахождение «в Даурах». На место убывшего «верстан в казаки» кто-либо из ближайших родственников, чаще всего брат или сын, или просто «казачий сын» [24. С. 49]. Есть и такие варианты выбытия из списка: «отставлен по челобитью», «за пьянством на службе не бывает» [Там же]. Несмотря на то что имеем дело с перечнем казаков «литовского списка», многие фамилии имеют русскоязычное произношение, но есть и несколько близких к украинским – Кривой, Юрьево, часть фамилий напоминают литовско-польское происхождение: Крушинский (3 чел.), Кроянский, Постепенский, Суницкий, Юхновский, Ореховский, Новицкий, Чернацкий (2 чел.), Рублевский (2 чел.), Залеский (3 чел.), Байкаловский (2 чел.), Кобылинский, Скоржицкий, Черницкий, т.е. всего 20 человек. В «литовском списке» также Ондрушка Волошанин, скорей всего выходец с территории Молдавии, а Герасимко и Ивашко Анцыны, судя по всему, потомки «немчины» Анцы [Там же. С. 47, 48]. Относительно некоего Сеньки Борисова указано, что он калмык, как и Федько Кондратьев [Там же. С. 47–49].

После перечня «казаков литовского списка» г. Тобольска следует список рейтаров в 54 человека. Рейтары – буквально «всадники», которые использовали крупнокалиберное оружие, «стреляли прямо с коня», в Европе представляли вид кавалерии, появившийся в XVI в., вместе с кирасирскими и драгунскими полками вместо тяжеловооруженной рыцарской конницы [36. С. 605]. В списке рейтаров г. Тобольска также отмечается значительное число фамилий польско-литовского звучания, встречавшихся и в перечне казаков «литовского списка»: Крушинские (2 чел.), Кроянский, Поступинский, Байкаловские (2 чел.), Суницкий, Юхновский, Ореховский, Новицкий, Чернацкие (3 чел.), Рублевские (2 чел.), Залеские (2 чел.), Кобылинский, Жульжевский, Сарборский, Любимской, Грицкой, Волский, Голубовский, Фальковский, Ранчковский, Скоржицкий, Григоровский [24. С. 47–50]. Относительно рейтарских подразделений в Сибири Н.И. Никитин замечал, что «рейтарские и драгунские полки не оправдали своего предназначения», «для сражения с кочевниками более всего подходил бой “по-казацки”, опыт показал, что «рейтар татарина догнать в поле строем не может» [20. С. 80]. Наряду с

тем, что прослеживается значительное сходство фамилий в списке рейтаров и казаков «литовского списка» (см. таблицу), отмечается и сходство фамилий конных казаков и казаков «литовского списка», что является показателем службы представителей одного служилого рода в разных подразделениях сибирских «войск».

Сходство фамилий казаков «литовского списка» и конных казаков (г. Тобольск)

Казаки литовского списка	Конные казаки
Волков	Волков
Байкаловский	Байкаловский
Завьялов	Завьялов
Серебренников	Серебренников
Сергеев	Сергеев
Полуянов	Полуянов
Ушаров	Ушаров
Михайлов	Михайлов
Горохов	Горохов
Лосев	Лосев
Кривой	Кривой
Измайлов	Измайлов
Корнилов	Корнилов
Выходцев	Выходцев
Шипицын	Шипицын
Юрьево	Юрьево
Лавринов	Лавринов
Харчевников	Харчевников
Кривонос	Кривонос
Мисайлов	Мисайлов
Чичагов	Чичагов
Белевцев	Белевцев

Примечание. Составлено на основе данных «Книги 1696 г.» [24. С. 47–50].

Связывать исчезновение казаков «литовского списка» необходимо с первой четвертью XVIII в., когда служилые люди «старых служб» переживали весьма сложный период. Указом от 19 февраля 1711 г. устанавливалось, что «в губерниях быть гарнизонным армиям», образовывались 43 гарнизонных полка, в Сибирской губернии – численностью в 3 000 человек [37. С. 590, 615]. Ударом по военно-служилому сословию Сибири становилось и определение законом от 16 января 1712 г. № 2467 (ст. 2, п. 24) «первенства» в шляхетстве офицерства [Там же. С. 779], доступ в которое для сибирских служилых людей, с учетом выполняемой ими службы, был практически закрыт. Относительно тех, кто «не в офицерах, или без отъезда, в других делах привязаны», было определено «тем как рекрут, так и подати всякие давать» [Там же. С. 779], что означало их фактическое приравнивание к к податному сословию. По «Плакату о сборе подушных денег» от 24 июня 1724 г. сибирские служилые люди были превращены в государственных крестьян. Сразу после смерти Петра 20 апреля 1725 г. Сенат обратился с запросами ведомостей о состоящих на службе казаках. Составлены штаты 1725 г., которые не предусматривали деления казаков на списки [22. Т. 1. С. 144]. Однако еще некоторое время деление на пеших и конных казаков сохранялось для Томска, Новокузнецка [Там же]. В это же самое время прекращается упоминание «литвы». С.Г. Филь последнее упоминание «литвы», «литвин» в источниках относит к 1704, 1717 гг. Во второй четверти XVIII в. такая этническая принадлежность уже не обозначалась [Там же].

Казаки «литовского списка», как и «литва» вообще, сыграли важную роль в истории Сибири. Выделим ряд направлений их влияния на историю региона.

1. Становились основателями сибирских служилых династий [38. С. 289]. Казаки «литовского списка», выполнявшие сложные государственные поручения, имевшие хороший военный опыт, грамотные, продвигались по службе нередко более успешно, верстались в высшее звено служебной иерархии в Сибири – в «дети боярские» [39], от которых в последующем, как считает исследователь М.М. Громыко, вели происхождение большинство сибирских дворян [40. С. 354].

2. Играли важную роль в освоении края, являясь владельцами деревень, направлялись на службу в разные вновь созданные остроги. «Колонизационная деятельность служилого населения была значительна» [41. С. 169].

3. Выполняли наряду с детьми боярскими самые сложные виды «государевой» службы, в большей степени связанной с «отъезжими службами», являвшимися наиболее обременительными и опасными [20. С. 82]: участвовали в окончательном разгроме Кучумовичей [16. С. 16]; направлялись на противодействие калмыкам, киргизам [18. С. 19]; несли службу «в калмыцких улусах»; осуществляли защиту слобод от набегов; в источниках указывается направление казаков «литовского списка» «для обереганья воинских людей» в Шадринскую слободу, Курьинскую слободу, в походы на «Улутовы горы и вверх по Тоболу реке», «на Уральские горы», «в Томский острог» и т.д. [35. С. 117, 120–125]; сопровождали сборщиков всяка: посылались «в ясашные волости для высылки всяких ясашных людей с всяком»; отправлялись «на Ямыш-озеро по соль», что считалось насколько важным, настолько же опасным предприятием [35. С. 117–125]; казаки «литовского списка» Тобольска наиболее часто сопровождали посольства в Даурию: в списках казаков этого служебного разряда часто имеется приписка «в Даурах». В 1670 г. в посольстве в Дауры участвовал Данила Аршинский, в 1675 г. с посольством Н.Г. Спафария в Китай направлены казаки «литовского списка» г. Тобольска «Митька Крушинский и его двоюродный брат Микифорка Офонасьев» [42]. В 1692–1695 гг. с посольствами Китай также из Тобольска направляются провожатые; выполняли наиболее опасные поручения. В «Полном собрании законов Российской империи» в Сенатском указе от 12 июля 1764 г. о запрете «бугрования» в местах Зюнгарских кладбищ сообщается о событиях 2 сентября 1727 г. когда в Ямышевскую крепость отправлен был поручик Иван Крушинский с командой солдат и служилых людей «для присмотра неприятельских лошадей казачьей орды», и во время этой вылазки Крушинский «за неприятельскими людьми ходили и отбили их русских полоняников трех человек, которых их казачья орда взяла в полон на степи с бугрования, да 14 лошадей русских и барабинских, и за ними гнались судки и настичь не могли» [43. С. 832]. Среди поручений, которые выполняли казаки «литовского списка», С.Г. Филь отмечает сопровождение посольств в Москву, участие в экспедициях на Тунгуску (1620-е гг.), на Чукотку (1740-е гг.), проведение переписей населения [16. С. 18, 19, 21].

4. Иноземный элемент в целом, как и казаки «литовского списка», внес существенный вклад в формирование населения региона. Относительно тех, кто прибыл в Сибирь в середине и второй половине XVII в. А.С. Зуев утверждал, что «подавляющее большинство из них в последующем из Тобольска убыло» [1. С. 49]. А вот Г.Е. Катанаев считал, что иноземцы «раз попавши в казаки, обыкновенно в казаках оставались со всем потомством» [15. С. 3], близок к этому мнению и С.Г. Филь, считающий, что «многие оставались на постоянную жительство, обзаводились семьями, а их потомки верстались в службу», «занимали видные административные должности» [16. С. 18].

Подтверждением того, что «литвины», «литва», в том числе и казаки «литовского списка», участвовали в формировании населения Западной Сибири, является перечень населения сибирских городов. Так, уже в XVIII в. Тобольск отличался значительным числом фамилий польско-литовского происхождения: Рублевские, Венгерские, Булатовские, Барышевские, Низовские, Коровенские, Ивановские, Жульжевские, Широковские, Кукарский, Любимские, Долговские, Курдюмские, Широковские, Плясовские, Пеневские, Чернавские, Островские, Долговские, Гусевские, Кобылинские, Пельмские, Руженские, Крушинские, Луговские, Желтовские, Манастрыские, Шуленские, Черновские и т.д. А также: Вюха, Кобыла, Клюка, Кропива, Дурной, Каргапол, Нутро, Кстенин, Русак, Падера, Дула, Горячка, Пиленок, Резвой, Широкий, Удалой, Хромой. Есть такие как Бахмат, Шмит, Бонг, Жаков, Соин, Фронстремель. В городе было много Выходцевых, проживали Иноземцевы, Черкашенины, Волошанины и т.д. [24. С. 125–144].

Прослеженные судьбы ряда служилых родов из числа казаков «литовского списка» г. Тобольска свидетельствуют о том, что на протяжении XVII–XX вв. выходцы из казаков «литовского списка» проживали в г. Тобольске, под Тобольском. Службу несли в казачестве в XIX в. не многие, из бывшего списка казаков «литовского списка» находим только Любимских, Анцыных, Волковых, Лавриновых, Волошаниных, Ушаровых [44]. Численное увеличение родов, соотносимых с казаками «литовского списка», прослеживается в разных показателях. Так, Крушинские в начале XX в. жили под Тобольском, но в деревне Полуяновой, утратив к тому времени свою деревню [45. Л. 1], численно увеличившись за все три века всего до 19 человек. В то же время некогда связанные с казаками «литовского списка» Волковы проживали в деревне Волковой, некогда являвшейся их владельческой, насчитывали более 300 человек [46. Л. 150–152]. Значительная часть потомков казаков «литовского списка» отмечается в таких крупных поселениях, как село Абалак, Преображенское, в самом городе Тобольске [Там же. Л. 12–14, 133, 150, 151]. Обращает внимание на себя особенность брачных отношений, чаще всего между исторически взаимосвязанными селами и слободами или исторически долговременными служилыми родами, в частности у Волковых и Крушинских, что позволяло сохраняться типичному славянскому облику представителей родов.

Казаки «литовского списка» как категория служилых людей Сибири просуществовали с начала XVII в. до начала XVIII в., составляя важное звено сибирского войска, следующее в служилой иерархии вслед за детьми боярскими. Наделяясь высокими денежными

окладами, «литовского списка» казаки были связаны с наиболее сложными видами «отъезжих служб», участвовали в колонизации и освоении края, формировании системы управления территорией, сохраняясь во времени, вошли в состав населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зувев А.С. Казачье сердце Сибири // Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско. Тобольск : Изд-й отдел ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2011. С. 47–61.
2. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. 330 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 8, гл. IV. Продолжение государствования Иоанна IV. 1552 г. М. : Эксмо, 2008. 1024 с.
4. Волков В.А. Казаки (конец XV – I половина XVII вв.). URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/3587.php>
5. Сметный список 139 г. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty>
6. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб. : В тип-фии II-го отд-ния Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1855. Т. 1. 718 с.
7. Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск : Наука, 1991. 240 с.
8. Темушев В.Н. Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494 гг. М. : Квадрига, 2013. 240 с.
9. Бенецианов М.М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей русского государства в конце XV – середине XVI в. URL: <http://www.disserscat.com>
10. Большая советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1972. Т. 10. 591 с.
11. Иноземные слободы. URL: <http://www.rusinz.ru>
12. Берх Н.В. Систематические списки боярам, окольным и думным дворянам с 1468 г. до уничтожения сих чинов / сост. предисл. Василий Берх. СПб. : Печ. в тип. Х. Гинце, 1833. 66 с.
13. Бохун Т. История польского гарнизона в Москве (1610–1612 гг.). URL: <http://www.historie.ru/2012/01/bohun-01-2012-htm>
14. Александров В.А. «Войско» – организация сибирских служилых людей XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 94–113.
15. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии районов Сибири и Средней Азии / сост. Г.Е. Катанаев. СПб. : Типография В.А. Тихонова, 1908. Вып. 1. 115 с.
16. Филь С.Г. Казаки «литовского списка» в истории Сибири XVI – первой трети XVIII столетий // Филь С.Г. Гуманитарные арабески о польском и русском наследии. Тюмень : Вектор Бук, 2010. С. 4–34.
17. Акты исторические. 1593–1594 гг. URL: http://sibrel.ic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1590-1599/akty_istoricheskie_1593_g
18. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип-фия II-го отд-ния Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1841. Т. 2 : 1598–1613 гг. 482 с.
19. Газенинкель К.Б. Книги Разрядные в официальных их списках как материалы для истории Сибири XVII в. Казань : Типография императорского ун-та, 1842. 79 с.
20. Никитин Н.И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. URL: annales.info. С. 77–83.
21. Оглобин Н.Н. Заговор «томской литвы» 1634 г. Киев : Типография Г.Т. Горчак-Новицкого, 1894. 15 с.
22. История казачества Азиатской России : в 3 т. / гл. ред. В.В. Алексеев. Т. 1 : XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург : УРО РАН, 1995. 316 с.
23. Филь С.Г. Казаки «литовского списка» в Сибири XVI – начале XVIII столетий // Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско. Тобольск : Изд-ский отдел ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2011. С. 209–215.
24. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М. : Типография Волчанинова, 1885. 163 с.
25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. «Книги». Д. 3.
26. Гербы польской шляхты; Побог (герб), Правдзиц (герб). URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AO%D0%B5%B9%01%82%D0%BO%01%80%>
27. Колева Г.Ю. Первые поселенцы Сибирского края // Проблемы сохранения исторической памяти. Десятые Тюменские Родословные чтения : материалы Всесрос. науч.-практ. конф, 27–28 сентября 2013 г. / под ред. А.И. Бакиной ; отв. ред. Г.Ю. Колевой. Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. С. 184–190.
28. Колева Г.Ю. Судьбы владельческих деревень близ Тобольска служилых людей первой волны (XVII–XIX вв.) // Тобольск научный–2013 : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 25–26 октября 2013 г. Тобольск : Тобольская типография, 2013. С. 287–292.
29. Книги разрядные по официальным спискам изданные по высочайшему соизволению II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб. : Типография Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 2. 718 с.
30. Новосельский В.В. История Великого княжества Литовского от рождения до Люблинской унии (1236–1569 гг.) или 333 года борьбы за возвышение и выживание: Великий князь Миндовг (1236–1263 гг.). Минск : Элайдо, 2012. 308 с.
31. Бобржинский М. Очерк истории Польши : в 2 т. СПб. : Издание Л.Ф. Пантелеева, 1891. Т. 2. 348 с.
32. Реестровое казачество // Большая Советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1975. Т. 21. 640 с.
33. Реестровое казачество. URL: ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AO%D0%B5%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2
34. Сибирский казак. URL: <http://ka-z-ak.ru/index.php?option>
35. Тюмень в XVII столетии: собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив.-доц. П.М. Головачева: «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII столетии», с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начал XVIII в. / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень : Мандр и К°, 2004. 200 с.
36. Рейтары // Большая советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1975. Т. 21. 640 с.
37. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. IV : 1700–1712 гг. СПб. : Типография II-го отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 881 с.
38. Колева Г.Ю. Отголоски эпохи сибирского «взятия»: Волковы из деревни Волкова у озера Волково // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 2. С. 57–66.
39. Роспись тобольских служилых людей 1661 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 663. Л. 210, 223. URL: <http://foriem.vgd.ru/602/35294/330.htm>
40. Громыко М.М. К характеристике сибирского дворянства XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма) : сб. ст. памяти чл.-кор. АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М. : Наука, 1973. С. 350–363.
41. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 1–19 / под ред. А.П. Семенова. СПб. : Изд-во А.Ф. Девреина, 1899–1919. Т. 16 : Западная Сибирь (Тобольская и Тюменская губернии). 591 с.
42. Роспись, составленная в Тобольском приказной избе тобольских служилых людей, посланных с посольством Н.Г. Спафария в Китай. URL: <http://vostlit.info/Texts/rus.15/Spaphrij>

43. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание 1. Т. XVI. (28 июня 1762–1764 гг.). СПб. : Типография II отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1016 с.
44. Государственный архив Тюменской области, Тобольский филиал (ГАТО ТФ). Ф. И-472. Оп. 1. Д. 2. Л. 31. 32. 235. 241. 258, 267.
45. ГАТО ТФ. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 203.
46. ГАТО ТФ. Ф. И-154. Оп. 8. Д. 287.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июля 2014 г.

SERVICE CLASS PEOPLE OF SIBERIA: COSSACKS OF THE "LITHUANIAN LIST"

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 127-136. DOI: 10.17223/15617793/387/19

Koleva Galina Yu. Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

Keywords: service class people; cossacks; foreigners; Lithuania; cossacks of Lithuanian List.

This paper presents a review of the category of service class people of Siberia which is named "Cossacks of the Lithuanian List". The author's point of view on the concept of the origin of this definition is also presented along with defining the time period for this phenomenon. The original differences among the "Cossacks of the Lithuanian List" and other semantically similar definitions such as "Lithuania", "Litvins" and horse Cossacks. The main activity areas of the "Cossacks of the Lithuanian List" are highlighted. Their role in the development of Siberia is shown and emphasized. Also the issue of emergence of foreign troops in the service class people of Russia is discussed. As a part of military men a prominent place in Siberia belonged to the foreign contingent. Originally foreigners appeared under the title: "Lithuania", "Litvin", "Poles", "Circassians", "German", "Lithuanian List" Cossacks. Cossacks of the "Lithuanian List" entered the structure of the service class of Siberia, making a separate servitor rank following the boyar children and scribes in the service class hierarchy. This category opened the Cossack ranks in Siberia. This phenomenon existed in the 17th – early 18th centuries. Early papers on the history of Siberia leveled "Lithuania", "Litvin", "Poles", "Circassians", "German", "Lithuanian List" Cossacks, yet noted differences between them, as well as between the Cossacks of the "Lithuanian List" and mounted Cossacks. Analyzing the sources, surnames of people from these categories, it can be concluded that in most cases the use of terms denoting foreign contingent in documents came from the Russian understanding of their origin. According to the documents the Cossacks of the "Lithuanian List", along with servicemen Yurt Tatars, were sent to perform the most complex military operations, so they had special military experience, which can be traced in the fact that this category of servicemen was replenished by people with distinctive military knowledge. The author suggests that the Cossacks of the "Lithuanian List" initially and until the middle of the 17th century were those prisoners of war, or volunteers for the Russian service, who were the so-called Registered Cossacks on the territory of the Polish-Lithuanian state. The Cossacks of the "Lithuanian List" played an important role in the history of Siberia, performed the most complicated outer service. They became the founders of the Siberian servitor dynasties, were more often promoted, referred to the senior official hierarchy in Siberia – the boyar children, the ancestors of most of the Siberian nobles. The foreign contingent participated in the colonization and development of the region, establishing a system of management of the territory, with time they became part of the region's population.

REFERENCES

1. Zuev A.C. *Kazach'e serdtse Sibiri* [The Cossack heart of Siberia]. In: Loshchits Yu. (ed.) *Tobol'sk i vsya Sibir'. Sibirskoe kazach'e voysko* [Tobolsk and the whole of Siberia. Siberian Cossacks]. Tobolsk: TROBF "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2011, pp. 47-61.
2. Pavlov-Sil'vanskiy N.P. *Gosudarevye sluzhilye lyudi: Proiskhozhdenie russkogo dvoryanstva* [Sovereign's service people. The origins of the Russian nobility]. St. Petersburg, 1898. 330 p.
3. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. T. 8, gl. IV. Prodolzhenie gosudarstvovaniya Ioanna IV. 1552 g.* [The history of the Russian state. Vol. 8, Pt. IV. Further reign of Ioann IV. 1552]. Moscow: Eksmo Publ., 2008. 1024 p.
4. Volkov V.A. *Kazaki (konets XV – I polovina XVII vv.)* [The Cossacks (late 15th – early 17th century)]. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/history/3587.php>.
5. *Smetnyy spisok 139 g.* [The cost account of the year 139]. Available at: <http://www.vostlit.info/Tekhts/Dokumenty>.
6. *Knigi razryadnye, po ofitsial'nym onykh spiskam izdanne s vysochayshego soizvoleniya II-m otdeleniem Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii* [Class books published by the 2nd branch of His Imperial Majesty's Office according to official lists from the Highest permission]. St. Petersburg: His Imperial Majesty's Office Tipography, 1855. Vol. 1, 718 p.
7. Alekseev Yu.G. *Gosudar' vseya Rusi* [Tsar of All Russia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 240 p.
8. Temushev V.N. *Pervaya moskovsko-litovskaya pogrannichnaya vojna 1486–1494 gg.* [The first Moscow-Lithuanian border war 1486-1494]. Moscow: Kvadriga Publ., 2013. 240 p.
9. Benetsianov M.M. *Gosudarev dvor i territorial'nye korporatsii sluzhilykh lyudey russkogo gosudarstva v kontse XV – seredine XVI v.* [The monarchic court and territorial corporations of service men of the Russian state in the late 15th - middle 16th centuries]. Available at: <http://www.dissercat.com>.
10. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1972. Vol. 10, 591 p.
11. *Inozemnye slobody* [Foreign settlements]. Available at: <http://www.rusinz.ru>.
12. Berkh N.V. *Sistematicheskie spiski boyaram, okol'nichim i dumnym dvoryanam s 1468 g. do unichtozheniya sikh chinov* [Systematic lists of boyars, courtiers and Duma nobles from 1468 to the time when these ranks were abolished]. St. Petersburg: Kh. Gintse Publ., 1833. 66 p.
13. Bokhun T. *Istoriya pol'skogo garnizona v Moskve (1610–1612 gg.)* [History of the Polish garrison in Moscow (1610-1612)]. Available at: <http://www.historie.ru/2012/01/bohun-01-2012-htm>.
14. Aleksandrov V.A. "Voysko" – organizatsiya sibirskikh sluzhilykh lyudey XVII v. [The "Battalion" as the organization of the Siberian military men in XVII.]. *Istoriya SSSR*, 1988, no 3, pp. 94-113.
15. *Zapadno-Sibirskoe sluzhiloe kazachestvo i ego rol' v obsledovanii i zanyatii rayonov Sibiri i Sredney Azii* [West Siberian Cossacks and their role in the survey and occupation of Siberia and Central Asia]. St. Petersburg: V.A. Tikhonov Publ., 1908. Issue 1, 115 p.
16. Fil' S.G. *Knigi razryadnye v ofitsial'nykh ikh spiskakh kak materialy dlya istorii Sibiri XVII v.* [Class Books in official lists as the materials for the history of Siberia in the 17th century]. Kazan: Imperial University Publ., 1842. 79 p.
17. *Akty istoricheskie. 1593–1594 gg.* [Historical Acts. 1593–1594]. Available at: http://sibrelit.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1590-1599/akty_istoricheskie_1593_g.
18. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiey: v 5 t.* [Historical acts, collected and published by the Archeological Commission: in 5 vols.]. St. Petersburg: His Imperial Majesty's Office Tipography, 1841. Vol. 2: 1598-1613. 482 p.
19. Gazenvinkel' K.B. *Knigi Razryadnye v ofitsial'nykh ikh spiskakh kak materialy dlya istorii Sibiri XVII v.* [Class Books in official lists as the materials for the history of Siberia in the 17th century]. Kazan: Imperial University Publ., 1842. 79 p.

20. Nikitin N.I. Pervyy vek kazachestva Sibiri [The first century of the Cossacks in Siberia]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*, 1994, no. 1, pp. 77-83.
21. Oglobin N.N. *Zagovor «tomskoy litvy» 1634 g.* [The conspiracy of "Tomsk Lithuania" in 1634]. Kiev: G.T. Gorchak-Novitskiy Publ., 1894. 15 p.
22. Alekseev V.V. (ed.) *Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii: v 3 t.* [History of the Cossacks of Asiatic Russia: in 3 vols.]. Ekaterinburg: URO RAN Publ., 1995. 316 p.
23. Fil' S.G. *Kazaki «litovskogo spiska» v Sibiri XVI – nachale XVIII stoletiy* [The Cossacks of the "Lithuanian list" in Siberia in the 16th – early 18th centuries]. In: Loshchits Yu. (ed.) *Tobol'sk i vsya Sibir'. Sibirskoe kazach'e voysko* [Tobolsk and the whole of Siberia. Siberian Cossacks]. Tobolsk: TROBF "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2011, pp. 209-215.
24. *Tobol'sk. Materialy dlya istorii goroda XVII i XVIII stoletiy* [Tobolsk. Materials for the history of the city of the 17th and 18th centuries]. Moscow: Volchaninov Publ., 1885. 163 p.
25. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214 (Siberian Department). List 1. File 3. (In Russian).
26. Gerby pol'skoy shlyakhty; Pobog (gerb), Pravdzits (gerb) [The coats of arms of the Polish nobility; Pobog (coat of arms), Pravdzits (coat of arms)]. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%V9%01%82%D0%BO%01%80%>.
27. Koleva G.Yu. [The first settlers of the Siberian region]. *Problemy sokhraneniya istoricheskoy pamyati. Desyatye Tyumenskie Rodoslovnye chteniya: materialy Vsesrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of historical memory preservation. The 10th Tyumen Genealogic Reading. Proc. of the All-Russian Scientific Conference]. Tyumen: TyumGNGU Publ., 2013, pp. 184-190. (In Russian).
28. Koleva G.Yu. [The destiny of possessory villages near Tobolsk of the first wave service men (the 17th-19th centuries)]. *Tobol'sk nauchnyy–2013: materialy X Vserossiyskoy nauch.-praktich. konf.* [Tobolsk Research 2013: Proc. of the 10th All-Russian Scientific-Practical Conference]. Tobolsk: Tyumen Publishing House, 2013, pp. 287-292. (In Russian).
29. *Knigi razryadnye, po ofitsial'nym onykh spiskam izdannye s vysochayshego soizvoleniya II-m otdeleniem Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii* [Class books published by the 2nd branch of His Imperial Majesty's Office according to official lists from the Highest permission]. St. Petersburg: His Imperial Majesty's Office Typography, 1855. Vol. 1, 718 p.
30. Novoselskiy V.V. *Istoriya Velikogo knyazhestva Litovskogo ot rozhdeniya do Lyublinskoy unii (1236–1569 gg.) ili 333 goda bor'by za vozvyshenie i vyzhivanie: Velikiy knyaz' Mindovg (1236–1263 gg.)* [History of the Grand Duchy of Lithuania from birth to the Union of Lublin (1236-1569) or 333-year struggle for the elevation and survival of Grand Duke Mindaugas (1236-1263)]. Minsk: Elaydo Publ., 2012. 308 p.
31. Bobrzhinskiy M. *Ocherk istorii Pol'shi: v 2 t.* [An essay on the history of Poland: in 2 vols.]. St. Petersburg: L.F. Panteleev Publ., 1891. Vol. 2, 348 p.
32. *Reestrovoe kazachestvo* [Registered Cossacks]. In: *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1975. Vol. 21, 640 p.
33. *Reestrovoe kazachestvo* [Registered Cossacks]. Available at: ru.wikipedia.org/wiki/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%V5%D1%80%D0%BE%D0%B2.
34. *Sibirskiy kazak* [Siberian Cossack]. Available at: <http://ka-z-ak.ru/index.php?option>
35. *Tyumen' v XVII stoletii: sobranie materialov dlya istorii goroda s "Vvedeniem" i zaklyuchitel'noy stat'ey priv.-dots. P.M. Golovacheva: "Sostav naseleniya i ekonomicheskoy byt Tyumeni v XVII stoletii", s prilozheniem plana starinnoy Tyumeni i 2 vidov Blagoveshchenskogo sobora nachal XVIII v.* [Tyumen in the 17th century: collection of materials for the history of the city with the "Introduction" and the final article by Private-Docent P.M. Golovachev: "The composition of the population and the economic life of Tyumen in the 17th century", with the plan of the old Tyumen and 2 pictures of the Annunciation Cathedral of the early 18th century]. Tyumen: Mandr i K° Publ., 2004. 200 p.
36. *Reytary* [Reiters]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1975. Vol. 21, 640 p.
37. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 g. T. IV: 1700–1712 gg.* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649. Vol. IV: 1700-1712]. St. Petersburg: His Imperial Majesty's Chancellery Typography, 1830. 881 p.
38. Koleva G.Yu. *Otgosloski epokhi sibirskogo «vzyat'ya»: Volkovy iz derevni Volkova u ozera Volkovo* [The echoes of the era of Siberian "take": the Volkovs of Volkovo village near the lake Volkovo]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald*, 2014, no. 2, pp. 57-66.
39. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 3. Art. 663. L. 210, 223. Available at: <http://foriem.vgd.ru/602/35294/330.htm>.
40. Gromyko M.M. *K kharakteristike sibirskogo dvoryanstva XVIII v.* [On the characterization of the Siberian nobility of the 18th century]. In: *Russkoe naselenie Pomor'ya i Sibiri (period feodalizma)* [Russian population of Pomorye and Siberia (the feudal period)]. Moscow: Nauka Publ., 1973, pp. 350-363.
41. Semenov A.P. (ed.) *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey. T. 1–19* [Complete geographical description of our Motherland: Reading and road book for the Russian people. Vols. 1-19]. St. Petersburg: A.F. Devrein Publ., 1899–1919. Vol. 16, 591 p.
42. *Rospis', sostavlenaya v Tobol'skom prikaznoy izbe tobol'skikh sluzhilykh lyudey, poslannyykh s posol'stvom N.G. Spafariya v Kitay* [The list of Tobolsk service people from the embassy of N.G. Spafariya in China, made in Tobolsk mandative hut]. Available at: <http://vos-tlit.info/Texts/rus.15/Spaphrij>.
43. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 g. Sobranie 1. T. XVI. (28 tyunya 1762 – 1764 gg.)* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649. Collection 1. Vol. 16. (June 28, 1762–1764)]. St. Petersburg: His Imperial Majesty's Chancellery Typography, 1830. 1016 p.
44. The State Archives of Tyumen Region, Tobolsk branch (GATO TF). Fund I-472. List 1. File 2. L. 31. 32. 235. 241. 258, 267. (In Russian).
45. The State Archives of Tyumen Region, Tobolsk branch (GATO TF). Fund I-417. List 2. File 203. (In Russian).
46. The State Archives of Tyumen Region, Tobolsk branch (GATO TF). Fund I-154. List 8. File 287. (In Russian).

Received: 09 July 2014